

Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Соч.: в 2 т. – М., 1986. 1196 с.

Локк Дж. Мысли о воспитании. М., 1904. 262 с.

Приказчикова Е. Е. «Новая женщина» в дворянской среде. Смольный институт как проект // «Культура духа» vs «культура разума». Интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: коллективная монография / под общ. ред. Л. Н. Репиной. М. : Аквилон, 2022. С. 726–746.

Ржевская Г. И. «Памятные записки» // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой. Изд. 4-е. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 576 с.

Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. [Электронный ресурс]. URL: https://4italka.su/proza-main/klassicheskaya_proza/148349/fulltext.htm (дата обращения: 24.04.23).

Чайковская О. Г. Воспитание «новой породы» людей (об одном социальном эксперименте XVIII века) // Социологические исследования. М., 1987. 160 с.

Savchuk V. S. Formation of the cultural mythology of the Smolny Institute in the “Memoirs” of G. Alymova

Abstract: the report examines the formation of the author's myth about the Smolny Institute in the notes of Glafira Alymova, one of the most famous Smolyan women of the first graduation, whose portrait was painted by D. Levitsky, highlights various aspects of life and education in Smolny, considered through the prism of myth-making, and also mentions some details and events of the daily life of “Smolyan women” who could not “fit” into the mythological canon.

Key words: Smolny Institute, Glafira Alymova, author's myth, pedagogical utopia, cultural mythology.

А. О. Черенкова

(*научн. руководитель Е. Е. Приказчикова*)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

«Три короны на челе»: портрет Екатерины II в ее записках и в жанре торжественной оды

Аннотация: в статье исследуется литературный образ Екатерины II, а также сопоставление ее «государственного» портрета и портрета императрицы Елизаветы Петровны. При рассмотрении торжественных од М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина, можно проследить переход от ономоифа «Амазонки» до «Минервы на троне» и, в перспективе, до «Фелицы». Не остаются без внимания 1 и 2 вариант «Записок» Екатерины II, в которых мемуаристка повествует о своем детстве и мечтах о троне, замечая то, что ее триумф произошел не случайно, все было предрешено судьбой, чьи знаки она видела, еще будучи ребенком.

Ключевые слова: «Записки» Екатерины II, торжественные оды, М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Амазонка, Минерва, Фелица.

Екатерина II стала императрицей Российской империи в ходе дворцового переворота (25 июня 1762 г.). Император Петр III «не обладал такими достоинствами ума и характера, которые бы позволили ему достойно держаться в переходный период» [Мадариага: 49]. Историк В. О. Ключевский так высказался на эту тему: «Екатерина совершила двойной

захват: отняла власть у мужа и не передала ее сыну, естественному наследнику отца» [Ключевский: 793]. Императрица Екатерина II правила ровно 34 года, при жизни получив прозвище «Великая». Она способствовала развитию культуры и образования в России, за что ее сравнивали с древнеримской богиней мудрости Минервой, называя «Минервой на троне». М. В. Ломоносов написал в торжественной оде «Ея императорскому величеству» (1762): «Науки, ныне торжествуйте: Взшла Минерва на престол» [Ломоносов: 297].

Ярче всего формирование образа императрицы представлено в собственноручных «Записках» Екатерины II, так как именно в мемуарных текстах автор может создать желаемый образ, умалчивая или изменяя многие факты своей биографии – это процесс аберрации. Первый вариант «Записок» Екатерины II 1750-х гг. написан в эпистолярной форме. В этом варианте она раскрывает Станиславу Августу Понятовскому «тайну» первых лет своей жизни с Петром Федоровичем иоткрыто говорит о его неспособности к деторождению. Императрица достаточно откровенна с Понятовским, но при этом она подчеркивает то, что не она жаждет власти, а власть сама идет к ней в руки, словно так было предрешено судьбой. Это даже тяготит ее, в письме от 2 августа 1762 года, она говорит: «Я должна соблюдать тысячу приличий и тысячу предостережений, и вместе с тем чувствую все бремя правления» [Екатерина II: URL].

Во втором варианте «Записок» Екатерина II повествует о том, как воспитывали ее в Германии и какое образование она получила. Екатерина Алексеевна создает в своих «Записках» тот образ, который она считает выгодным для себя, мемуаристка часто упоминает о своей «мужской» натуре и чтении «не женской» литературы, например, «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, речей Цицерона и сочинения Ш. Монтескье «Размышления опричинах величия и падения римлян». И здесь императрица дает понять, что ее восшествие на русский престол было предрешено, свидетельство этому – предсказание о ее великом будущем, которое она получила в возрасте 8 лет. Пример тому слова монаха из дома Монах из дома Менгден, которые предсказывал будущее по лицам, «услышал похвалы, расточаемые моей матерью этой принцессе (Мариана Брауншвейг Беверенская – А. Ч.), сказал, что в чертах этой принцессы не видит ни одной короны, но по крайней мере три короны видит на моем челе. События оправдали это предсказание» [Екатерина 1990: 11].

Екатерине Алексеевне в 16 лет пришлось перенести немало испытаний: оказываться в центре дворцовых интриг, научиться выходить из сложных ситуаций с незапятнанной репутацией, сносить все трудности пребывания при дворе Елизаветы Петровны. Ее императорское величество была доброй и веселой императрицей, но такой она была для народа, а для своих приближенных Елизавета Петровна часто была суровой. Для Екатерины II было важно показать различия между собой и Елизаветой Петровной, особенно в первые годы своего правления, когда только формировался образ новой государыни, бесстрашной и справедливой «Амазонки». Этот мифообраз появился после амазонкой карусели, 7 июля 1766 г. Формирование этого образа было подробно описано В. Ю. Проскуриной в своей книге «Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II». В. Ю. Проскурина анализирует проявления амазонского мифа в «Оде на Великолепный карусель» В. Петрова – эта ода пришлась по душе императрице Екатерине II, благодаря чему приобрела популярность.

«Но что за красоты сияют
С гремящих верьха колесниц,
Что рук искусством превышают
Диану и ея стрелиц?» [Петров: 327].

Именно Екатерина II ввела в моду мундирные платья или «длинные мундиры». Платья соответствовали определенному гвардейскому полку по цвету, т.е. соответствовали Преображенскому, Семеновскому полку и форме Морского флота. После своего триумфа Екатерина Алексеевна делает гвардейский мундир главным костюмом на первые годы своего правления. Именно в гвардейском мундире преображенского полка Екатерина совершила государственный переворот 1762 г. Екатерина Алексеевна облачилась в зеленый мундир,

введенный императором Петром I, это вызвало у солдат умиление и восхищение, так как Петр III переделал армию в прусскую форму, которая была им ненавистна: Как писала в своих воспоминаниях Е. Р. Дашкова: «Странно, что, как только императрица приехала в Петербург, солдаты сбросили свои новые мундиры и переоделись в старые, отыскав их Бог весть как и где» [Дашкова: 42]. К тому же выбор петровского мундира означал переход Екатерины II в статус императора и «манifestацию будущей стратегии» [Проскурина: 33]. Взойдя на престол, Императрица хотела создать образ не только сильной императрицы, но Императора, она хотела, чтобы ее считали продолжательницей славных дел Петра Великого, а не последовательницей капризной императрицы.

Вызывает интерес то, как императриц изображали на портретах, Елизавета Петровна не любила свое изображение в профиль, так как считала не привлекательным свой курносый нос. Но этот недостаток, по мнению императрицы, компенсировался мягкими, утонченными чертами лица, поэтому она предпочитала позировать анфас. За счет такого ракурса и внешних данных создается романтический образ Елизаветы I, например, в работе Луи Токке или коронационном портрете Елизаветы Петровны, написанный И. Штенглином. Екатерина II, наоборот, гордилась своим «римским» профилем и выбирала соответствующий ракурс. Она говорила об этом в письме к Ф. М. Гримму в 1777 году: «Знаете ли, что я весьма возгордилась с тех пор, как возвратившийся из чужих краев Шувалов объявил мне, что для художников в Италии профиль мой не представляет никаких затруднений; что для того им стоит взять мой бюст, медальон или медаль Александра (Македонского), немного подправить, и выйдет очень похоже? Одну такую камеею любители моей физиономии считаю весьма удавшеюся и просят с нее снимков. После этого я стала подымать голову с особенною важностью» [Бартенев: 37]. Но выбор Екатерины Алексеевны обусловлен не только эстетическими нормами, это было политически выгодно императрице. Таким образом, Екатерина II провела параллель между собственным образом и образом мудрой и воинственной Минервы. В. Ю. Проскурина замечает: «По случаю восшествия Екатерины на престол была выбита известная медаль работы И. Г. Вехтера: романтизированный профиль, римский шлем, из-под которого видны распущенные локоны» [Проскурина: 35]. Также есть портреты, где Екатерина Алексеевна запечатлена в полуанфас, вспомним портрет придворного живописца Стефано Торелли «Екатерина верхом на белом коне Бриллианте». «Торелли <...> отобразил приход к власти Екатерины как своего рода брачный союз: Россия ассоциирована с женским началом, тогда как Власть несет “мужские” атрибуты» [Проскурина: 42].

Екатерина Алексеевна умело совмещала в себя две роли – мужскую и женскую, она не имитировала «мужское» поведение, как Елизавета Петровна, которая ограничивалась тем, что носила мужской гвардейский мундир и устраивала маскарады-метаморфозы. Елизавета Петровна в основном носила гвардейский мундир, потому что он был ей к лицу, один из таких выходов императрицы запечатлел в своих мемуарах А. Т. Болотов: «Когда случалось ей одеваться в мужское платье, что обыкновенно делывала она в день учреждения своей гвардии, то представляла собою очень красивого и статного мужчину, имеющего героическую походку, сидящего прекрасно на лошади и танцующего с приятностию» [Болотов 2013: 886]. Екатерина II в начале своего царствования стремилась стать продолжателем дел императора Петра I. Не случайно Василий Петров в послании «Галакиону Ивановичу Силову» (1772) отметил духовную связь между великим императором и Екатериной II: «В Екатериной там плоти дух Петров» [Петров: 348]. Позднее, в 1773 году в журнале Живописец» появилась публикация «Ода Ея Величеству Екатерине Великой, Императрице и Самодержице Всероссийской», автор вспоминает события государственного переворота 1762 года и изображает Екатерину в образе благородного рыцаря победителя «котора север шла спасти» [Сатирические журналы Н. И. Новикова: 470]. Императрица предстает в военном мундире и на коне, к тому же, во фрагменте XXXII, идет постоянное сравнение Екатерины с римскими и греческими богами:

«Кто се! В оружии Белоны

Не Марс ли, вседший на коня,

<...>

Иль Феб во образе Паллады,

Приятны в свет бросая взгляды» [Сатирические журналы Н. И. Новикова: 470].

Автор объединяет в образе императрицы две гендерных ипостаси: мужскую и женскую, Екатерина II, хоть и говорила в своих «Записках», что она «благородный рыцарь» с мужским складом ума, но при этом, безусловно, оставалась женщиной. Здесь происходит, своего рода, смена ролей: Екатерина Алексеевна – умный, суровый политик женщина, которую уважают другие мужчины и прислушиваются к ее мнению. Великий философ Вольтер, с которым вела переписку императрица, написал в письме к Екатерине II от 27 февраля, 1766 года: «Вы делаете всевозможное добро внутри и вне Государства Своего. Ученые Мужы будут еще при жизни Вашей боготворить Вас» [Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера: 21].

В XVIII веке особенно возросла популярность одического жанра, эпоха дворцовых переворотов и часто сменяющихся правителей пришлась на расцвет карьеры великого русского ученого естествоиспытателя М. В. Ломоносова. Великий поэт и ученый посвящал торжественные оды Анне Иоанновне, Елизавете Петровне, Петру III и Екатерине II, воспевая величие монархов. Американский славист Маркус Левитт, упоминает, что торжественная ода в XVIII веке «играла ведущую роль в литературном процессе, проложив путь к новому взгляду на литературный язык и к формированию классической системы жанров» [Левитт: 72].

В жанре пиндарической оды автор создает утопический образ правителя с установкой на его идеальность. Можно увидеть закономерность в том, что в одическом жанре каждый новый правитель является продолжателем дела своего великого предка или предшественника. Например, Елизавету Петровну, в «Оде на день восшествия...» 1747 Ломоносов воспевае как «Великую Петрову дочь», в «Оде великому государю Петру Федоровичу» 1762 года автор говорит будущему императору:

«Уверь всех, Мной благословенный,

Что Ты – Петров и Аннин плод» [Ломоносов: 163].

Но в «Оде императрице Екатерине Алексеевне на ее восшествие на престол июня 28 дня 1762 года» Ломоносов совершил ошибку в постановке политических знаков. Сложность составляло то, что в первые дни правления Екатерины II автор еще не понял вектор, в котором новая императрица будет развивать свою власть, он воспел Екатерину II как последовательницу Елизаветы, которая лишь возродилась в ее лице:

«Внемлите все пределы света

И ведайте, что может Бог!

Воскресла нам Елисавета:

Ликует церковь и чертог» [Ломоносов: 175].

Екатерину II разгневало такое сравнение со своей предшественницей, она ясно дала это понять Ломоносову, императрица хотела отправить его в отставку, уже был подписан указ, но в итоге все же смиловалась. Позже, в «Оде императрице Екатерине Алексеевне в новый 1764 год» М. В. Ломоносов реабилитировался, он представляет Екатерину II, как преемницу Петра Великого, он вручает ей трон и венец:

«О скиптр, венец, о трон, чертог,

Сужденны вновь Екатерине,

Красуйтесь о второй богине!

Той Петр вручил, сей вверил Бог!» [Ломоносов: 177].

Другой великий российский поэт, а также государственный деятель Российской империи, Г. Р. Державин находился в иной ситуации, его литературная карьера началась в 1772 году. Державину не нужно было, как Ломоносову, быстро искать новые образы для представления новой императрицы. Екатерина II царствовала уже 10 лет, «Амазонский миф», первый из трех составляющих екатерининского образа, уже был сформирован. На его пришел государственный миф о Минерве. Нужно уточнить, что культурный миф о Минерве был сформирован еще в самом начале 1730-х гг. Так, В. Третьяковский, воспевая Анну Иоановну в оде «На сдачу города Гданска» (1734), писал:

«Что ж чудным за власть шлемом блещет?
Не Минерва ль копне мешет?» [Третьяковский URL].

На рубеже 1780–1790 гг. приходит завершающий триаду государственный миф о Фелице. Е. Е. Приказчикова объясняет, как сложился финальный образ Фелицы, который «был первоначально создан самой Екатериной II в “Сказке о царевиче Хлоре”, где Фелица дочь киргизского хана помогала киевскому царевичу Хлору найти “розу без шипов”, то есть добродетель» [Приказчикова URL]. В 1782 году Державиным была написана ода «Фелица», в которой одной из важнейших декларируемых черт мифообраза была простота новой императрицы:

«Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;»
«Не слишком любишь маскарады...» [Державин 1958: 59].

В 1789 году Державин посвятил Екатерине Алексеевне оду «Изображение Фелицы», где в полной мере передал представление о новом государственный мифе:

«Небесно-голубые взоры
И по ланитам нежна тень
Сквозь мрак времен, стихиев споры
Блестали бы, как ясный день;
Как утрення заря весенняя,
Так улыбалась бы она;
Как пальма, в Рае насажденна,
Так возвышалась бы стройна» [Державин 1864: 273].

Интересно заметить, что образ «императора-самодержца» Екатерины II уравнивают феминные детали: «И в мужество ее красы, <...> Зефиры веяли власы». Державин уже не делает акцент на мужественном поведении Екатерины II. За 27 лет правления маскулинный образ Екатерины укрепился в литературном сознании, и делать на нем акцент уже было не так актуально. Здесь можно вспомнить оду М. В. Ломоносова «Разговор с Анакреоном» (опубликована в 1771, написана в 1757–1761 гг.). Ломоносов от лица Анакреона просит мастера изобразить Императрицу, соединив в ней Минерву и Венеру, богиню мудрости и богиню красоты:

«Цвет в очах ее небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи,

Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь» [Ломоносов : 272].

Державин, ориентируясь на традицию заложенную Ломоносовым, решает подчеркнуть мужественное величие Екатерины Алексеевны, выезжающей на белом коне Бриллианте, гармонично переплетающееся с женским началом изящной императрицы:

«Чтоб конь под ней главой крутился
И бурно броды опенял» [Державин 1864: 273].

Можно сравнить этот торжественный образ Екатерины II с изображением Елизаветы Петровны на коне в оде М. В. Ломоносова 1750 года:

«И топчет бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордись!» [Ломоносов: 130].

Екатерина Алексеевна, еще в бытность великой княгини, была увлечена верховой ездой. Она делает на этом акцент в 3 варианте своих «Записок»: «Сказать по правде я была очень равнодушна к охоте, но страстно любила верховую езду» [Екатерина II (3): 104].

Благодаря анализу 1 и 2 варианта «Записок» Екатерины II мы можем отметить, что мемуары, являясь в XVIII в. альтернативной по сравнению с художественной литературой прозой, позволяют создать реалистичный образ императрицы, несмотря на то, что Екатерина II грамотно моделирует его, используя прием абстракции и умолчания. Также мы можем предположить, что в жанре торжественной оды в большей степени проявляется тенденция к утопическому изображению императрицы, где последовательно сменяют себя три культурных мифа: Амазонка-Минерва-Фелица. При этом культурный миф Минервы сформировался еще в эпоху царствования императрицы Анны Иоановны. Применительно к образу Елизаветы Петровны ономифы Минервы и Амазонки существовали в одно и то же время, а образ Фелицы так и не был создан.

Литература

Бартенев П. И. Русский архив // Новооткрытые письма императрицы Екатерины Второй к барону Гримму. М. : Типография Лебедева. 1878. 546 с.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков. М. : Институт русской цивилизации, 2013. Т. 1. 1121 с.

Грот Я. К. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб. : Имп. Акад. наук, 1878. Т. 23. 734 с.

Дашкова Е. Р. Записки 1743–1810. Л. : Наука, 1985. 288 с.

Державин Г. Р. Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В типографии императ. акад. наук, 1864. Т. 1. 812 с.

Державин Г. Р. Оды. СПб: Лениздат, 1985. 333 с.

Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II // Екатерина II. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historyru.com/docs/rulers/ekaterina-2/ekaterina-2-1t2.html#/overview> (дата обращения: 10.04.2023).

Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II // Екатерина II. Калмыкия: Элиста, 1990. 112 с.

Екатерина II. Записки Императрицы Екатерины II // Издание Искандера. М. : Книга, 1990. 277 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории // В. О. Ключевский. М. : Академический проект, 2002. 941 с.

Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 528 с.

Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1986. 579 с.

Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де Мадариага; пер. с англ. Н. А. Лужецкой. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.

Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л. : АН СССР, 1951. 627 с.

Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. М. : Типография Пономарева, 1812, 343 с.

Петров В. Поэты XVIII века. Л. : Современный писатель, 1972. Т. 1. 624 с.

Приказчикова Е. Е. Рецепция гинекратического начала государственного мифа русской литературы в творчестве Г. Р. Державина. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-ginekraticheskogo-nachala-gosudarstvennogo-mifa-russkoy-literatury-v-tvorchestve-g-r-derzhavina> (дата обращения: 5.04.2023).

Проскурина В. Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 717 с.

Тредиаковский В. К. Панегирик, или слов [Электронный ресурс]. URL: <http://trediakovskiy.lit-info.ru/trediakovskiy/stihi/index.htm> (дата обращения: 5 04.2023).

Cherenkova A. O. *«Three crowns on the forehead»: portrait of Catherine II in her notes and in the genre of a solemn ode*

Annotation: the article examines the literary image of Catherine II, as well as a comparison of her "state" portrait and the portrait of Empress Elizabeth Petrovna. Considering the solemn odes of M. V. Lomonosov and G. R. Derzhavin, one can trace the transition from the eponymous "Amazon" to "Minerva on the Throne" and, later, to "Felice". The 1st and 2nd versions of Catherine II's "Notes" are not ignored, in which the memoirist tells about her childhood and dreams of the throne, noting that her triumph did not happen by chance, everything was predetermined by fate, the signs of which she saw in childhood.

Keywords: "Notes" of Catherine II, solemn odes, M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin, Amazon, Minerva, Felitsa.

А. А. Иванова

(научн. руководитель Е. Е. Приказчикова)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Образ героя Отечественной войны 1812 года А. И. Кутайсова в русской мемуаристике XIX века

Аннотация: в статье представлены основные традиции создания образа незаслуженно забытого героя Отечественной войны 1812 года А. И. Кутайсова в русской мемуарной литературе XIX века. При анализе учитывается специфика культурно-исторического менталитета людей наполеоновской эпохи, романтическая притягательность образа молодого генерала, погибшего в Бородинском сражении. Берется во внимание как биография, личностные качества и портретные характеристики героя, так и влияние на его изображение господствующих литературных направлений и традиций русской словесности.

Ключевые слова: А. И. Кутайсов, литературный образ, Наполеоновская эпоха, мемуарно-автобиографическая литература.

Историк А. Г. Тартаковский определяет мемуаристику «как овеществленную историческую память, одно из средств духовной преемственности поколений и один из показателей уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому, а, следовательно, и к своему бытию вообще» [Тартаковский 1991: 3].

Такое определение как нельзя лучше подходит к описанию пласта мемуаров об эпохе 1812 года. Однако мемуаристика этого времени не ограничивается лишь вышеупомянутыми качествами. В XIX веке, «классической поре в истории мемуарного жанра в России, периоде